

«Вечная философия» единой традиции в символах

Любимова Т. Б. д. филос. н., руководитель сектора эстетики;
Институт философии РАН; email:tat-lub@yandex.ru

Аннотация: Термин «Вечная философия» О. Хаксли понимает широко. Для него это мудрость, предмет которой единая божественная реальность. Постигается эта реальность просветленными или святыми людьми. Это мистическое познание. Точка зрения его на этот способ знания скорее психологическая, чем метафизическая. С этим связаны и его социологические и идеологические выводы. Он считает, что социальные и личностные пагубные явления происходят от забвения Вечной философии. Для учения о Единой Духовной Традиции психологическое, социологическое или историческое объяснения считаются недостаточными и неадекватными. Это демонстрируется в толковании традиционных символов, которые понятны лишь в единстве всей традиционной культуры. Единая сеть символов здесь имеет метафизический смысл. Это показано на интерпретации символов И-цзин Матжиои и символов симплегады и стрельба из лука Анандой Кумарасвами. Конкретные символы, относящиеся к военному искусству, также в традиционной культуре наделены метафизическим смыслом. Японское искусство фехтования на мечах – свидетельство всепроникающей духовной связи в такой культуре, о чем рассказывает знаменитый самурай XVII в. Миямото Мусаси. Вывод – в традиционной культуре нет ничего профанного.

Ключевые слова: Вечная философия, идеология, Единая Традиция, символ, Хаксли, Матжиои, Кумарасвами, метафизика

1. Идеология с необходимостью следует за «Вечной философией»

Красота и прозрачность мысли, невовлеченность в ситуативные страсти (которые быстро гаснут, если на них не взирать с интересом), возвышенные переживания священного (позаимствованные из разных эпох, регионов и культур) – всё это в большом количестве представлено в книге Олдоса Хаксли «Вечная философия».

Написав эту книгу и собрав в ней самые глубокие свидетельства вечных истин, Хаксли возродил интерес к тому, что в учении о Единой Традиции считается скорее *Sophia perennis* нежели *Philosophia perennis*, но не совпадает с ней полностью. Для Традиции это должно было бы быть чистой метафизикой, выраженной в доктринах или символически в мифах и ритуалах. Хаксли включил также мистические переживания, религиозные догматы и моральные максимы. Он так определил ее: «Главный предмет Вечной философии – единая, божественная реальность, присущая многообразному миру вещей, жизней и разумов. Но природа этой единой реальности такова, что постичь ее мгновенно и непосредственно могут лишь те, кто соблюдает определенные условия, кто чист сердцем и нищ духом. Почему? Мы не знаем»¹.

Контрастом к этому возвышенному стилю неожиданно выплывают чисто идеологические выводы относительно правильного и неправильного устройства

¹Хаксли О. Вечная философия. М.: Изд. АСТ, 2018. С. 7.

общества, причиной неправильности оказывается то, что люди не следуют в своей практической жизни принципам Вечной философии. Хотя эти идеологические выводы не составляют ядро всего содержания книги, но они воспроизводятся регулярно в конце каждого большого периода, подобно заклинанию «Карфаген должен быть разрушен». Но люди не только не придерживаются принципов Вечной философии, они и думать о ней перестали. А «Карфаген», разрушившись в одном месте земного шара, спокойно перемещается в другое. И все же надо сказать, что невозможно не признать правоты автора, а идеологические выводы, хоть и всплывают неожиданно, тем не менее, с необходимостью следуют из того, как понимается Вечная философия. И для этого понимания они вполне логичны. Все дело в том, как преподносится философия. Хаксли тонко и глубоко чувствует мистическую сторону религии, и вообще духовная жизнь для него, по-видимому, есть его естественная среда обитания. Так называемую профессиональную философию он вообще не имеет в виду, ведь она не может быть вечной, ибо складывается из мнений обычных обученных в школе индивидов (действительно, разве философия - это профессия наподобие любого другого ремесла, а не *призвание*, которому и подобия придумать трудно - *призыв* богини Истины?). А с другой стороны для него это и не первофилософия, которую как метафизику изначальных принципов признает учение о Традиции, в противовес той же современной западной философии, которую имеют в виду, когда говорят о соответствующей профессии. То есть то, что И. Кант называл школьной философией, непригодно ни для Традиции, ни для Вечной философии. А то, что Кант называл мировой философией, недоступно, по крайней мере в обозримом будущем, для людей в тех условиях и в той «форме», в каких они существуют. Впрочем, и запретов здесь тоже принципиальных нет.

Многообразие свидетельств вечной мудрости удивительно: здесь и древняя, и средневековая, и современная мистика; здесь и метафизика, и мораль, и психология, и прозрения-откровения самого разного рода. Упорядочиваются они весьма внешним образом, и в этом не приходится упрекать автора, потому что у него нет точки отсчета и опоры в самом «вечном», а принимается эта точка даже не в философии, а в психологии, в переживании высшей реальности и осознании этих переживаний. Точка отсчета и опора все же называется – это трансцендентная Основа мироздания: «Божественная Основа всего сущего – это духовный Абсолют, невыразимый в понятиях дискурсивной мысли, но (при определенных обстоятельствах) подвластный непосредственному восприятию и пониманию человеческого существа. Индуисты и христиане-мистики называли этот Абсолют – Богом-без-формы. Конечная цель человека, абсолютная причина его существования – постижение божественной Основы и слияние с ней, - это знание доступно только тем, кто готов “умереть для себя”, чтобы как бы освободить внутри себя место для Бога»². Так оно и есть, это религиозная, точнее, мистическая точка зрения. Яркость и выразительность при этом не последний критерий в отборе высказываний для этой антологии вечной премудрости. Принимается своего рода внешнее управление, порядок через классификацию: «Вечную философию можно начать исследовать либо с нижней части – с практики и

² Там же. С. 42.

морали, либо с верхушки – с рассмотрения метафизических истин, либо, наконец, с середины – исследуя то средоточие, где сходятся разум и материя, действие и мысль – в психологии человека»³. Что касается упомянутых идеологических выводов, то они «плавают» в ненадежных водах психологии, морали, социологии, истории, в океане страстей и мнений, но никак не достигают недвижимого неба метафизических истин. Здесь-то и проходит тонкая граница между Вечной философией - несколько эклектичной, хотя и очень привлекательной в подаче О.Хаксли, - и учения о Единой Духовной Традиции. Хаксли к тому же настороженно относится к традиционным символам, похоже, что он не понимает их глубины. Хаксли о символах: «Одеяние Иисуса - яркие и пестрые, что символизирует многообразие Космоса. Одеяние же Осириса – чистейшей белизны, ибо они символизируют Свет высшего разума, стоящий выше Космоса (Плутарх)» Пока в глазах верующего символ прочно связан с тем, что он символизирует, и выступает в качестве средства, использование таких знаков, как белые или пестрые одежды, совершенно безвредно. Однако если символ вырывается из-под контроля и становится самоцелью, мы получаем в лучшем случае эстетизм и сентиментальность, а в худшем – особый вид психологически эффективной магии»⁴. На уровне религии невозможно дать приемлемые для «нормального» человеческого сознания объяснения разным проявлениям этой Основы, ведь мы встречаемся не только с благостным аспектом священного, но и с тем, что никак не вмещается в представление о благосклонном к людям Боге, который не только готов спасти человека, приходит на помощь или одаривает чем-то нужным и хорошим. Пугающая сторона реальности – это тот тип Бога, который вызывает, как говорил Кьеркегор, к теологическим отступлением от морали, в основном в форме кровавых жертвоприношений, даже человеческих. Индуистская богиня Кали в самых жутких ее проявлениях – как одно // воплощение неведомой формы бытия. И многие современные дикари воспринимают Основу и дают ей теоретическое объяснение как чистой необузданной Силе...». Далее Хаксли пытается «поставить на место» эту неведомую форму бытия, эту непостижимую и необузданную Силу, сообщив ей по-христиански качества Любви и Мудрости⁵. И в конечном счете бедным дикарям опять достаются моральные туманы: «Если бы не записи просветленных людей, мы были бы скорее принять взгляды Иова и дикарей»⁶. Конечно, эта Сила, которая творит миры и все что в них может быть, и есть Любовь, но только микрокосм, маленькая форма человека не может ее вместить, она сгорает мгновенно, как Семела в присутствии Бога (не важно, в какой форме). Возможно, что дикари больше знают об этой неведомой форме бытия, и

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С.390.

⁵ Взгляд Хаксли в этом отношении во многом определен тем, что как бы благосклонно он ни относился к «восточной мудрости», как бы ни восхищался святыми и просветленными людьми Востока, он все равно остается западным человеком и прежде всего англичанином. Чувство превосходства над бедными «дикарями» проявляется и в отношении культа Кали. Шактизм (Кали – это Шакти, то есть сила) очень важное направление в индуизме. Пример Шри Рамакришны, святого XIX века, доказывает, что в нем присутствует и бхакти (любовь к Богу в избранной поклоняющимся форме). Это практически аналог суфизма, который, возможно, и повлиял на это направление (См.: *Ишервуд К.* Рамакришна и его ученики. М.: Наталис. 2004.). Возможно, впрочем, что Хаксли не был хорошо знаком с этим направлением.

⁶Хаксли О. Вечная философия. С. 273-274.

одной болью, им понятной и самими ими производимой, они заглушают это знание, которое не может выдержать их состав будучи «нагромождением праха»⁷.

Понятно, что в современном мире мы не можем наблюдать ни традиционное общество, ни традиционную культуру, не обнаружим мы и чистую метафизику, понятную современному человеку с доминирующим в его мире эмпиризмом, буквализмом, недоверии ко всему сверхприродному, то есть как раз метафизическому. Поэтому нам придется довериться тем замечательным людям, которым удалось сформулировать учение о Единой Традиции и которые смогли пояснить его не только в теоретической части, но и в интерпретациях традиционных символов, мифов и ритуалов. Но об этом речь пойдет немного позже.

Различие между Традицией, как ее понимает Рене Генон и его сторонники, и Вечной философией проходит по границе между метафизикой и религией. Последняя опирается на религиозный *опыт* и мистические *переживания*. В принципе это эмпирический и психологический подход к тому, что называют духовным, такой же подход, который У. Джеймс использовал в своей книге «Многообразии религиозного опыта». Отличается разве что материалом и проникновением в более глубокие слои смысла, потому что он не принуждает нас к рациональному объяснению, а тем более к пониманию этого удивительного опыта мистических прозрений и откровений через деятельность человека в том, что называют профанным миром. Для Рене Генона Джеймс – это представитель антитрадиции. С Вечной философией – поскольку она не философия в западном понимании, – напротив, в учении о Традиции есть нечто общее. Прежде всего метафизика понимается вне противопоставления рациональное-иррациональное, в буквальном смысле как то, что вне физики, сверхприродное, не подлежащее ни опыту чувств, ни рассудку и его понятиям. Адекватной способностью постижения сверхприродной реальности считается интеллектуальная интуиция. Эти позиции для них общие. Однако возможность постижения высшей реальности для Генона раскрываются в процессе посвящения, которым мистический опыт сам по себе не является. Об этих терминах, как они используются в учении о Единой традиции, написаны объемные книги, разьяснять здесь мы их не будем. Весьма упрощенно скажем, что различие между двумя подходами – это различие между мистикой и религией, с одной стороны, и между метафизикой и Традицией, с другой.

Речь у Хаксли не идет о современной философии, поскольку она низводится до уровня научной дисциплины и в силу этого обязана принять все ограничения и предпосылки современного научного знания как свои правила и закон. Но она ни по одному конкретному научному предмету ничего не может добавить к его содержанию, выливаясь в демонстрацию осведомленности в той или иной области науки, в многознание, которое, как мы помним, ничему хорошему не научает, если немножко смягчить известное высказывание. Эрудиция, многознание, «лучшезнайство» – все эти пороки современной философии вынужденные, диктуемые тем, что она не ставит перед собой никакой возвышающей ее цели, она не хочет быть (а если хочет, то не может по причине принятых предпосылок) мета-физикой, то есть сверх-наукой, для которой наука есть лишь один из методов, наряду с другими, постижения реальности, а хочет

⁷Торссон Э. Северная магия. Мистерии германских народов. К: «София», 1997. С. 95.

быть физикой, от физики отталкиваться и к ней же, своему образцу научности, возвращаться, как мячик на резинке. Это задано и стилем всей западной культуры, для которой *достоверно* то, что явлено чувствам и понято в схемах рассудка, *надежно* то, что материально и механизм чего можно установить, *желательно* то, что приносит наслаждение самого низшего порядка и обеспечивает при этом безопасность. Потому-то современная философия избыточна для науки, которая совсем не нуждается в таком соседе, у которого к тому же нет ни своего собственного предмета, ни своего собственного метода, каковые имеются у всех частных наук. Можно было бы предположить, что философия вынуждена рядиться в поношенные, некогда новенькие и яркие наряды, теперь уже хранимые в кладовках «научных достижений», поскольку доминантой культуры стала именно наука с ее технологиями, дающими преимущества в борьбе за господство «на суше и на море». Причины такого падения в самопонимании и самоотжествлении философии от сверх-науки к рядовой, а то и подсобной дисциплине (профессии) лежат не в желаниях самих философов (бытовых и естественных, или честолюбивых), но глубже, в общем изменении направления движения цивилизации по пути деградации. Философия из сверх-науки, то есть метафизики, каковою можно счесть и *Philosophia perennis*, из знания о сверхприродном и всечеловеческом истоке не только мудрости, вечных истин, но самого универсального существования, включая и все многообразие нашего, местного, земного существования, из знания вечных принципов и умения им следовать, превратила саму себя в нечто переменчивое, ситуативное, «отзывчивое», с серьезным видом отзывающееся и обсуждающее любые быстро проходящие события, мелькающие перед взором как пейзаж за окном скоростного поезда. У Вечной философии опора в идее вечности, точнее сказать, в мистических переживаниях святых, в откровениях прошлого; у «научной философии» опоры нет, ведь опыт и рассудок переменчивы. Ни религия, ни мистика, ни мораль и «общечеловеческие ценности», ни наука не способны предложить для человечества общую для всех основу, обязательно придется исключить другие религии (если выбрать одну), атеистов, не мистиков, людей с другой моралью или без определенных принципов, не говоря уже о тех, у кого нет ценностей («общечеловеческих»). Во всех религиях есть нечто сходное: мифы, символы, ритуалы, элементы доктрин. Но эти сходные моменты никак не могут быть приняты в качестве основы единства. Хаксли тоже приходит к выводу, что единство надо искать на самом глубинном уровне, но ищет его все равно в психологии, морали, духовных упражнениях, говоря о Божественной Основе всего сущего. Отсюда и проекты в области организации социальной и политической жизни – расформировать городские агломерации на небольшие поселения, в которых можно было бы восстановить нормальный образ жизни, сообразующийся с Вечной философией. Это значит также и восстановить нормальный социальный порядок, в котором каждый занимает свое место в соответствии с качеством личности и призванием. Важнейшее понятие для учения о Традиции – это Единое. Вечная философия тоже говорит о Едином как о «Божественной Основе всего сущего». И от Единого или Основы, в которой нет двойственности, строится лесенка к множеству, на ступенях которой люди образуют ложные единства, не связанные с Основой: «Здесь следует отметить, что культ единства на уровне политики – это лишь

идолопоклоннический эрзац, искусственный заменитель подлинной религии единства на личном и духовном уровнях. Тоталитарные режимы ищут оправдания своему существованию в философии политического монизма, в соответствии с которым государство – это Бог в земном мире, единение под гнетом божественного государства – спасение, а любые средства достижения этого единения, какой бы изобретательной жестокостью они ни отличались, верны и могут применяться без зазрения совести. На практике подобный политический монизм приводит к избытку привилегий и власти у меньшинства и подавлению большинства, к ропоту внутри государства и войнам за его пределами. Но избыток привилегий и власти – это непрерывное искушение гордыней, алчностью, тщеславием и жестокостью. Притеснения вызывают страх и зависть, а война порождает ненависть, страдания и отчаяние. Все эти негативные эмоции губительны для духовной жизни. Только чистые сердцем и бедные духом могут постичь Бога в единении. А потому попытки искусственно навязать обществу больше единства, чем готовы принять его члены, ведут к тому, что индивиды практически полностью теряют психологическую способность к единению с Богом или друг с другом»⁸. Утверждение единства на уровне, где его можно утвердить только насильственно и через идеологию, называется идолопоклонством (в переводе использовано слово «идолопоклонничество»). В современном мире – это идола техники и политики. Удивительным образом они соединяются друг с другом, хотя техника, доведенная до своего логического предела (полностью выражающая свою идею, если бы это было достижимо) исключает всякую политику: «Большинство политических идолопоклонников одновременно поклоняются и технологиям – и это несмотря на то, что в наше время эти две псевдорелигии в кои-то веки несовместимы, так как технологический прогресс на данном этапе развития выставляет в нелепом свете любую политическую систему, какой бы хитроумной она ни была, спустя даже не века, но годы, а иногда даже месяцы, после того, как ее разработали»⁹. Этим идолам целый пантеон. Хаксли отмечает характерный факт, что среди образованных людей и в академических кругах практически не встретить фетишистов или одухотворенных созерцателей, «зато не счесть ревностных последователей какой-нибудь формы политического или социального идеолопоклонничества»¹⁰.

Моральные идолопоклонники, по сути, поклоняются самим себе, так как их собственный этический идеал – считать добродетель целью в себе, а не условием постижения Бога. Получается, что Кант – моральный идолопоклонник. У них, у моральных, неправильные верования и псевдоблагодать вместо истинной. Не будем дальше углубляться в этот вопрос. Хаксли видит дурные последствия для общества не только в поклонении тем или иным идолам, что порождает такие явления как фанатизм, социальные проекты, внедряемые насильственно, и прочие пагубы. И не только в том, что забыли о вечных истинах.

Современный порядок пагубен как в силу присущего ему насилия, но и по причине смешения всех «мест». Это все равно, как смешать карты – это будет конец игры. Расшифровывая свою идею (она, впрочем, очевидна с традиционной точки

⁸ Хаксли О. Вечная философия. С. 26-27.

⁹ Там же. С. 399.

¹⁰ Там же. С. 398.

зрения), Хаксли опирается на свойственные индуизму понятия, что неслучайно: «Любое смешение кастовых различий, утверждают индуисты, любая ситуация, когда один человек берет на себя призвание и обязанности другого человека, - это всегда моральное зло и угроза социальной стабильности.... Когда солдаты, или управляющие, или ростовщики, или фабриканты, или рабочие принимают на себя функции Брахманов и выстраивают жизненную философию в соответствии со своими так или иначе искаженными представлениями о вселенной, общество приходит в смятение.... История Европы в позднее Средневековье и эпоху Возрождения – это в значительной мере история социальных смятений, которые происходят, когда огромное количество тех, чье призвание – быть провидцами, отказываются от духовной власти ради денег и политического могущества. А современная история – это гнусное воплощение того, что происходит, когда политические управленцы, бизнесмены или озабоченные классовой борьбой пролетарии принимают на себя функции Брахмана и начинают проповедовать жизненную философию, когда ростовщики разрабатывают политический курс и решают вопросы войны и мира и когда обязанности воинской касты навязываются всем без исключения, не принимая во внимание ни психофизическую конституцию, ни призвание»¹¹. Идея смешения как характерного признака помрачения современного человека есть и в учении о Традиции, скорее всего, она и заимствована оттуда, как и некоторые другие идеи, в другом месте ссылается на Генона, он знаком с его доктриной. Все дело в том, что Хаксли занимает позицию религии, а с точки зрения религии высвечивается прежде всего моральная сторона и психологическая, так как в религии речь идет об индивидуальном спасении, важен личностный сентиментальный аспект, важны чувства, а место метафизики занимает мистика, то есть индивидуальные переживания священного, трансцендентной Основы всего сущего. В целом, можно сказать, что позиции Хаксли и учения о Традиции разнятся именно как точки зрения, а общим являются многие идеи и мысли великих людей, которые предстают как свидетели Истины с обеих точек зрения.

2. «Вечные символы» следуют за *Sophia perennis*

Учение о Традиции не строит никаких проектов. В нем социальные, политические, а тем более психологические стороны жизни имеют вторичное значение, они не причины, в них мы видим отдаленные следствия общего отклонения от Традиции, то есть от истины во всех ее проявлениях. Критика современного мира носит при этом не фрагментарный характер, это не фиксация «симптомов болезни». Если это не окончательный «смертный приговор», то, во всяком случае, точные диагнозы очень опасного для всего человечества состояния. И диагнозы эти касаются интеллектуальной недостаточности западной цивилизации. Генон видел сохранившиеся еще печати изначальной Традиции в странах Востока, в Индии, Китае, показывая, что западный человек не в состоянии читать эту запечатанную книгу, что так называемый ориентализм пытается сквозь свои предубеждения и предрассудки судить о недостижимых для него истинах. Этим и вызвано негативное отношение

¹¹Хаксли О. Вечная философия. С. 431-432.

учения о Единой традиции к современной философии. Как правило, отношение взаимное, когда приписывают этому учению именно политический консерватизм. Эту ошибку делают не только противники, но и некоторые «любители» традиционной культуры. Она состоит в том, что из самих метафизических принципов не следуют никакие конкретные политические доктрины, поскольку в этом учении нет идеологии, так как ее нет и не было в традиционном обществе за ненадобностью. Она оказывается необходимой тогда, когда сквозная согласованность всей жизни нарушается, духовные, то есть энергетические¹² связи рвутся на разных уровнях, но самое важное, духовные центры исчезают или становятся недостижимыми. А центры эти не только информационно обеспечивают единство общества, утверждают Дхарму (как это называется в индуизме и буддизме), то есть порядок на всех уровнях человеческого существования; они есть для этого существования прежде всего источник духовной, а значит, и жизненной энергии. С исчезновением духовного центра энергетические связи постепенно разрушаются, замещаются «механизмами», насильственными общностями, возникают различные искажения. А поскольку центр всегда на вершине иерархической пирамиды¹³, постольку с его исчезновением из поля зрения и удалением из всей сети энергетических связей рушится и вся пирамида. В этом изначальная причина смещений и, следовательно, деградации. Тогда появляется нужда в идеях, внушениях, всевозможных внешних насильственных средствах поддержания порядка. Элементы прежнего порядка берут на себя не свойственные им по природе функции, равновесие теряется. Идеи провоцируют действия, которые ведут к новому нарушению равновесия, обрести которое уже никак не удастся. Считается, что культура - это память, а память чего? Она наполнена именно идеями и именами, метками этих идей. Все равно, что метками помечается – ситуации, события, личности, все это помеченные идеи. Культура - это и есть склад идей и имен, поэтому ее и хранят и приносят ей жертвы, как некому идолу, состоящему из других дробных идолов. Прекрасной метафорой такого сохранения будет дзенский рассказ о человеке, путешествовавшем по реке (река – это символ универсального существования) на лодке. Уронив в воду топор (или меч), он поставил отметину на борту лодки. Лодочник его спрашивает, зачем он это сделал. Тот отвечает: чтобы запомнить, где я уронил топор и потом его найти. Так и культура полна меток о невозвратно потерянном и внушаемых (через идолы-идеи) надежд обрести утраченное. Ряды таких меток и есть история. «Лодка» помнит, где лежит в реке топор (или меч). Такая история ищет «факты», то есть метки идей (оставленных в самом себе) в бескрайних водах того, что мы выделяем в этих волнах-водах как события. История поэтому всегда идеология, то есть она имеет свое начало в идеях, от которых выстраиваются ряды событий, принимаемых как факты. Традиционные

¹² В традиционном обществе сквозную связь социума образует передача духовного влияния при посвящении, когда передается импульс духовной энергии. Позиции в иерархии определены именно ею. Поэтому она носит не внешний характер, а нередко и скрытый, эзотерический. Понятно, что в современном мире, в котором идет процесс смещения, это представляется чем-то нереальным, неким идеалом. Суть от этого не меняется, сколько бы ее не заслоняло «облако неведения».

¹³ Только это не пирамида власти, как думает сразу же западный человек, это энергетическая пирамида, иерархия качества существ. Их квалификация. Как это символически изображается в шиваизме: Шива сидит на вершине горы Кайласа, он есть в себе концентрация духовной энергии, *tapasa*, подобно невероятно мощному, хотя и нематериальному огню.

«сотворения мира» или мифы отнюдь не мыслились как фактические события, это была и есть метафизика, синтетическое знание о трансцендентном, которое, как говорят и мистики и метафизики, тождественно имманентному. Понятно, что символы Традиции не могут пониматься как метки и знаки. Они другой природы и назначения.

Необходимо все же сделать еще одно замечание, прежде чем переходить к истолкованию некоторых самых удивительных и знаменитых символов, предлагаемому знатоками Традиции. Разумеется, что мы не должны отождествлять восточные общества, которые существуют сейчас, с тем нормальным традиционным обществом, которое имеется в виду и которое мыслится как существовавшее «во время оно», в начале времен. Нередко и сами носители традиционной культуры толкуют «вечные символы», приспособляясь к западному менталитету, принимая психологические (или даже психоаналитические) и социологические схемы для их разъяснения. Но бывает и наоборот, когда западный человек проникает в глубину смысла традиционного символизма. От самого учения о Традиции можно идти в сторону исторических и эмпирических данных в разных направлениях, и все следствия будут находиться все основного смысла учения. Знатоки Традиции свободно владеют необходимой для понимания традиционного символизма интеллектуальной интуицией, редкой способностью в западном мире.

То, что можно назвать интеллектуальной интуицией не имеет отношения к интуиционизму, имеющему в виду чувственную интуицию. Напротив, интеллектуальная интуиция, будучи мгновенным синтетическим пониманием духовной сути предмета, позволяет постигать богатый символизм традиционных культур в силу того, что внешние формы для нее суть опора для восхождения к высшим планам бытия, Бога и божественной природы самого человека, ведь все сущее во всем своем многообразии есть символ Единого, то есть того, что в религии называют Богом. И цель этого восхождения – освобождение¹⁴.

Одновременная уникальность и универсальность учения о Традиции дает метафизическое прочтение символов, совмещая в себе имманентный и трансцендентный полюсы. Символ тогда предстает не как знак на пути, а как сам путь, «ведь путь, ведущий вверх и вниз, один и тот же», и он пронизывает традиционную культуру в целом. Иными словами вечная философия как *sophia perennis* не может с точки зрения традиции истолковываться в понятиях современной, то есть западной философии с характерным для нее стилем натуралистического, психологического либо социально-исторического истолкования символов традиционной культуры. Но и в том, что обычно называют восточной философией, не все есть именно *sophia perennis*, поскольку воздействие западного способа мышления (и не только мышления, но и

¹⁴ В индуизме называются четыре цели пребывания человека на Земле (в сансаре, круге рождений и смертей): дхарма, артха, кама и мокша (по восходящей). То есть закон, правильность (или истина), желание (наслаждение), и, наконец, освобождение. Эти цели находятся в соответствии и со всем строем индусской метафизики, в том числе и с четырьмя варнами (брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры – по нисходящей). Вообще вопрос о соответствиях в толще самой традиционной культуры необычайно интересен и важен, но это не нумерология, это священная наука, исчезнувшая на Западе уже давно в силу плоского понимания самого числа. Рассмотрение этого вопроса увело бы нас далеко от темы, поэтому мы ограничимся только этим замечанием. Слово Артха обычно переводят как «польза». Это слово общего индоевропейского происхождения. В зороастризме оно означает Богиню Истину, Артха.

всего образа жизни) для самих восточных людей, не говоря уже об интерпретаторах их учений, подгоняет смысл под современные понятия и схемы, видимо считая их образцовыми и представляющими саму реальность. Диссонансом звучит даже «научная» терминология, мало подходящая для реалий Традиции¹⁵. Да и сами восточные люди, несущие *sophia perennis* в открытый для них западный мир, как будто стараются приспособиться к уровню понимания и схемам истолкования, доминирующим в современном мире. Одной из причин появления в XIX–XX вв. учения о Единой Традиции была необходимость очистить то, что еще осталось от Традиции и что еще можно было непредвзято и адекватно передать тем, чей интеллект способен вместить в себя эти вечные истины.

Тем более ценно то, что было сделано Матжиои, западным человеком, многие годы проведенным в Китае и с удивительной глубиной давшим метафизическое истолкование древнекитайской доктрины в книге «Метафизический путь»¹⁶. Пять тысяч лет тому назад Фу-си, «первый и людей», «кристаллизовал Изначальную»¹⁷ Традицию, Лао-цзы воплотил ее в доктрину, Конфуций вывел из нее учение о нравственности¹⁸, - пишет Матжиои, предваряя метафизическое толкование «Книги перемен», И-цзин. Оба направления (данные Лао-цзы и Конфуцием) не создают того сплава, который на Западе считается религией. Тем не менее, в странах желтой расы вера в Высшее Существо самая универсальная и рациональная. Это исходит из самой сущности Традиции: «Нет необходимости в религии, чтобы связать человека с Небом, достаточно традиции: она является метафизическим звеном, через которое человечество связано с Сущностью; ничто это звено не разорвало; ничто его не ослабило; и так будет во все времена. Никогда Человечество не перестанет рождаться

¹⁵ Относительно избыточной и неадекватной терминологии Матжиои (Альбер Пюйу, граф де Пувервиль), который сформулировал основные позиции учения о Единой Традиции, писал: «Нас отталкивает насыщение трансцендентальной метафизики новой терминологией, напоминающей нам, что терминология является предметом дискуссий, ошибок и заблуждений; те, кто создают новые термины, думая, что тем самым облегчают понимание своих довод, часто увлекаются новой терминологией до такой степени, что эта терминология, бесплодная и бесполезная, оказывается в конечном счете единственной новизной предлагаемой системы» (Матжиои. Метафизический путь. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 78-79).

¹⁶ Матжиои. Метафизический путь. СПб.: Владимир Даль, 2014. – 255 с.

¹⁷ Переводчик, видимо, не может перевести французское слово «*primordiale*» и просто пишет его русскими буквами, в то время как для русского уха французское слово не несет никакого смысла, не говоря даже о грубом, «неотесанном» его звучании. Это и есть порча языка, тот грех, который называется смешением языков. Удивительно, что сторонники Традиции, якобы ради «терминологии» (чтобы выглядеть современными философами), жертвуют смыслом, таящемся в самом языке. Правильно говорит итальянская пословица: «переводчик - предатель». Бойтесь посредников! Многие, пишущие о Традиции, также используя это слово без перевода, хотят, видимо, выставиться с новым термином, забыв важное правило - называть каждую вещь ее собственным именем, а собственное имя – то, которое в себе несет смысл вещи, по мере возможности, конечно, так как смыслы слов давно затерты до неузнаваемости. Но это не значит, что надо продолжать это «затирание», напротив, снимая скрывающие смысл оболочки, было бы лучше добираться до глубокого смысла слоя. Не только в слове смысл, но каждая буква есть свернутый смысл, вспомним иероглифы, прото-буквы. Вспомним руны. Они и не буквы и не слова, но такие элементы эзотерического языка, которые одновременно и знаки и носители энергии, это «магические машины». Так и слова наших обычных языков, - они в себе несут энергию всего языка, они не только знаки-указатели. Разрушая постоянно налаживающийся, настраивающийся строй языка, таким способом сопротивляющегося этой порче, вредят душе народа, ведь как говорил Гумбольдт, язык – это душа народа. Добавим, чувство языка сродни музыкальному слуху, и есть внешнее выражение способности к интеллектуальной интуиции.

¹⁸ Матжиои. Метафизический путь. С.53-54.

и, если оно перестанет рождаться, оно как раз и станет тогда тем, Кто его породит... Вот краеугольный камень Традиции. Поэтому вера в Небо является универсальной, естественной и логичной. Для китайца верить в Бога – значит верить в самого себя. При таких условиях нет атеистов»¹⁹. Может быть, поэтому там и сохранилась традиционная наука жизни в согласии с ритмами вселенной, наука, в наиболее абстрактном виде представленная в И-цзин. Когда Фу-си раскрыл для людей эту древнюю (уже в его время древнюю) мудрость, тогда еще не было ничего «сверхъестественного»: Моисей еще не беседовал с Господом в кустах, Мухаммед не летал на невиданном животном (в русских сказках его переименовали в Сивку Бурку Вещую Каурку) в гости к Аллаху, Будда еще не достиг при жизни совершенства, Бог еще не спустился на землю в конкретном человеческом теле как Мессия. «Учителя дальневосточного мышления не нуждались в содействии неба, чтобы рассеивать заблуждения и создавать символы. Их народам, довольствующимся истиной, которую они никогда не теряли, не требовалась мишура, чтобы ее скрывать... В неповрежденной Традиции и в словах тех, кто ее передавал, они ясно видели само небо и его творение»²⁰. Весьма утонченную мысль Матжиои относительно метафизического смысла графического изображения Божественной Сущности и ее проявления в И-цзин лучше было бы проследить полностью в тексте его книги, но мы попробуем представить ее пунктирно, обильно цитируя текст, чтобы как можно меньше исказить ее. «Бог желтых народов, в том, что касается его названия, - это не частное имя, это общая идея. Тем не менее, Фу-си... заменил иероглиф (то есть изображение идеи; китайцы пишут не буквами, а идеями. - *ТЛ*) геометрическим рисунком. Не имеющим в себе ничего особенного, настолько общим, насколько возможно... геометрический рисунок приобрел значение метафизической тайны... Эти изображения носят определяющее название “Совершенство”». «Есть лишь одно-единственное совершенство, одна-единственная идея Бога, одна-единственная “изначальная причина всех вещей”. Такое совершенство, называемое “активным”, является порождающим и сохраняющим в себе любую активность; но само оно бездеятельно. Оно пребывает в самом себе без какой-либо возможности проявления; оно, следовательно, непостижимо для человека, в настоящем состоянии человеческой природы... Когда это совершенство проявляется, оно, не переставая быть самим собою, подвергается изменению... В силу самого факта, что совершенство действует, оно способно становиться доступным пониманию; и тогда оно называется пассивным совершенством (*Кунь*). Совершенство едино и непостижимо для человека; чтобы о нем можно было говорить, необходимо, чтобы оно стало, или по меньшей мере могло стать постижимым. И поэтому оно изображается двумя различными графическими изображениями... Напомним, что наш разум постигает лишь число, что он неспособен постичь Единство и тем более нуль, который является единством до всякого проявления»²¹. В комментариях к И-цзин графические знаки, гексаграммы, сопоставляются с определенными цифрами согласно определенной матрице, образуя что-то вроде машины предсказаний. Однако Матжиои считает, что эта книга третья из трех трактатов Фу-си. Два первых до нашего времени не дошли,

¹⁹ Там же. С. 54-55.

²⁰ Там же. С. 44-45.

²¹ Там же. С. 77-79.

остались только их названия: «Это были “Ляньшань” (книги гор), то есть “Книга Неизменных принципов”, над которыми ничто не может преобладать; “Гуйцан” (возвращение), то есть “Книга, в которой должны быть приведены все вопросы”, с целью найти их решение... Эти памятники были написаны, или нарисованы, или высечены на “Крыше мира”, единственной колыбели человечества, с помощью знаков, которые все человечество понимало еще до того, как оно разделилось в разнообразных миграционных потоках, и до того, как оно утратило знание о своей целостности»²². Интересно, что книга самого Матжиои заканчивается глубоким сомнением в том, что даже если рассматривать И-цзин как только пособие по предсказаниям или гаданию, то, что может быть обнаружено в ней и в других древних трактатах, не обязательно есть то, что древние составители хотели, чтобы это было обнаружено. Но современные комментаторы с такой уверенностью утверждают свои расшифровки как истинные, что удивительно, как у них не возникает такого сомнения. Ведь их опора только буква.

Математику называют языком физики. В силу этого она также есть система символов, язык не просто знаковая система, что видно довольно ярко в иероглифическом или пиктографическом письме. Да и скрыто присутствует в алфавите, если всматриваться в каждую букву, то она в себе заключает собственный смысл, например, альфа. Алеф есть стилизованный рисунок головы быка. Очевидно, что бык это мощный традиционный символ Вселенной, в Египте - это бог Апис. В индоевропейской традиции – это символ проявленной Вселенной, иногда даже более конкретно – материального мира или Земли. Также дело обстоит и с другими буквами. Но мы ведь не читаем «по буквам», то есть не раскрываем значение каждой буквы. А если придаем значение буквам, то только числовое. А в силу того, что алфавиты многократно перестраивались (даже в древних языках), то и числовое значение букв оказывается в определенной степени случайным. Но буквы и числа в традиции обозначались одними и теми же знаками и, по сути, в равной степени были насыщены символическим значением. В Традиции математика не была языком физики в современном понимании этого слова. Традиционные науки принципиально отличались от современных, как метафизика принципиально отличается от физики, а не просто стоит над ней или после нее, комментируя ее открытия.

Число 17 образовано наименьшими четным и нечетным числами в перекрестных наименьших операциях с ними. То есть это $8 + 9$. 8 - это 2 в 3-й степени, а 9 – это 3 во 2-й степени. 2 - это наименьшее четное число, символ проявленной Вселенной, «пассивного совершенства»²³. 1 (единица) – это непостижимое Единство, поэтому оно

²² Там же. С. 60-61.

²³ «Если мы переместим исчисляемую истину на божественный уровень..., то мы можем сказать, что пассивное Совершенство относится к активному совершенству как *единица* к *нулю*, которые, будучи различными *цифрами*, являются лишь одним-единственным *числом*, и первым из чисел, и *единственным числом*» (Матжиои. Метафизический путь. С. 82). Человеческий разум принимает множество за истину, его считает универсальным, «проецирует свое ментальное несовершенство на лик божества» (там же. С. 83). Двум рядомположенным принципам разум придает противоположный смысл: «И теперь зло совершенно; оно неисправимо, и оно питает корни наук и религий...» Человек «выдвигает законы, и он устанавливает условности; и он мучает сам себя своими предрассудками; и со слезами и с кровью, им проливаемой, он укрепляет свое отвратительное творение; он ставит этот духовный дуализм под защиту метафизического дуализма, изобретенного его невежеством и его гордыней; так, охранник своей собственной тюрьмы, он сооружает своими

неподвластно манипуляциям; хотя из него исходит бесконечный ряд чисел, но его нельзя возвести в степень. Оно себе самому остается тождественным. Поэтому минимальное нечетное число или образ совершенства не только проявленного, но и оформленного (то есть мир имен и форм) – это 3. Из этих двух чисел, 2 и 3, с помощью минимальной связующей перекрестно операции мы получаем символ проявления мира форм – 17. Универсальным символом проявленного мира, в котором соединены активное и пассивное совершенства (одно как «материя», другое как «энергия», то есть как Инь и Ян, неразрывно связанные, но не смешанные) – и будет это число, графически выглядеть как универсальный символ: Великий Предел, Тай-цзи. Оно и есть непостижимое Единство, Единица, метафизический смысл которой в порождении бесконечного ряда, что можно понять как порождение мира имен и форм. Единица – это предел между миром форм и бесформенным, то есть Беспредельным. И шагом проявления оформленного мира должно быть минимальное число, в полноте содержащее идею связи Инь-Ян, четного и нечетного. Связь перекрестная, то есть неразрывная, но без возможности смешивания. С другим числом Великий Предел соотнести нельзя, это поистине минимальный предел²⁴ (он должен быть обращен и к Беспредельному и к множественности имен и форм, подобен узлу на веревке, сплетенной из множества нитей). Число 64 в китайской и индийской традициях соотносится с порядком мироздания (оно относится к небу, астрономии и астрологии), в И-цзин 64 гексаграммы. Рассмотрим поближе соотношение этих двух чисел – нет ли между ними особой связи. 64 состоит из 2-х в 6-й степени или из 8-ми во 2-й степени. Оно сплошь из четных чисел, это проявленный двойственный мир в деятельном состоянии, кажущийся активным, но являющийся очевидно несовершенным. Суть его – в стремлении к изначальному совершенству. Тай-цзи обычно изображается вместе с гексаграммами. Сумма 17 и 64 даст нам 81 – это 9 во 2-й степени. Сама девятка – это 3 во 2-й степени. А сложив перекрестно возведенные в степень (9 во 2-й и 2 в 9-й), мы получим число (593), сумма цифр которого будет 17. Не буду приводить ход дальнейших подсчетов по этому алгоритму, проверить легко. Ряду, полученному таким способом, появление этих стоянок²⁵ с повторяющимися цифрами (в нашем случае – 17), можно приписать символический смысл. А именно, на любой из таких стоянок может осуществляться выход к трансцендентной реальности, как бы дверь, «игольное ушко». Мы знаем, что традиционно число не столько количество, сколько форма. В таком случае, как это можно истолковать метафизически? Представляется, что ряд чисел, полученный таким способом, символизирует весь порядок развертывания

собственными неразумными руками непостижимый, глупый и лживый ад, которым и является современное социальное состояние» (там же. С. 84). К сожалению, приходится сокращать ход рассуждения Матжиои, но из приведенных цитат, надо полагать, становится ясно, что логика метафизики не может быть той обычной логикой, которой пользуется физика (вообще наука и обыденное сознание). Это другая логика, которую трудно принять обычному человеку, сознание которого теряет здесь ориентиры, как в пустоте.

²⁴ В другой системе отсчета, в задаче «квадратура круга» таким числом предлагают считать число π (Имаев А.И., Имаева Ю.К., «Квадратура круга проективной Вселенной». Екатеринбург: изд-во «Сократ», 2013. 136 с.) При строгом геометрическом рассмотрении в Древней Греции (без иррациональных чисел) по ходу доказательства возникало число 17.

²⁵ Мы не вкладываем в это слово значения, принятого в суфизме, хотя, в силу универсальности метафизической точки зрения, здесь допустимо сближение.

изначального непроявленного Единства (0) через посредство недвижимого Единства (1) как единственного *Числа* (в индоевропейских языках это слово имеет тот же корень, что и слово «имя», на санскрите *нама-рупа* означает весь проявленный мир, имя-форма) в беспредельное множество, но частным образом, - в отношении к человеку. Почему же не взять просто числовой ряд натуральных чисел? Это тоже, несомненно, символ множественности проявленного мира, но еще без разнообразия форм и имен, монотонная множественность без человека. В определенном смысле это символизирует еще более высокое равновесие чета и нечета. Носители этой традиции считают Инь и Ян универсальным разделителем всех вещей, каждая вещь есть определенное соотношение этих двух абстрактных начал. Мир тогда мыслится мета-физически, каждая вещь есть качество, в себе вмещающая и абстрактное число и конкретную форму и имя. Она в определенной мере есть плотный синтез, но с необходимостью разлагаемый временем. Говоря коротко, из Вечного Принципа, представимого только как символ «универсальной абстрактной реальности»²⁶, следует всё, все десять тысяч вещей, как это обозначается в дальневосточной традиции.

Ряд со «стоянками» 17 можно счесть плоскостью проявления человеческого мира. Интересно, что это число соотносится (в древнегреческой математической традиции) с геометрическим построением задачи квадратуры круга. В Китае человек мыслился как сын Неба и Земли. Это посредник двух абстрактных принципов – Ян и Инь. Ян в И-цзин обозначается числом 9, Небо – это круг. А Земля – квадрат, но на самом деле Земля – куб, устойчивость (2 в третьей степени - 8). Сумма, то есть человек, - 17. В нем и квадрат и круг, согласование несоизмеримых начал «Первые люди» - Фу-си и Нюйва, ноги которых, переплетенные друг с другом змеи, держат один угольник, а, а другая – отвес или циркуль, а бывает, что и наоборот, меняются «круглым» и «квадратным». Именно через него (через ряд с преткновениями) на Пути возникают видимости отступлений, несогласий, ложных оппозиций и прочей путаницы. Однако истина состоит в том, что во всеобщей гармонии каждая вещь «уместна и своевременна». Все существа проходят все возможные формы: «Подобно тому, как деятельность запрещает дважды проходить через одну и ту же форму, так и гармония запрещает возможность не проходить через все формы, и поэтому имеется множество потоков форм. В этой логической необходимости мы теперь, будучи другими человеческими существам, обнаруживаем залог родства наших умов и параллелизм наших усилий»²⁷. И наконец, четвертый²⁸ термин тетрагаммы Вэнь-Вана: универсальный закон требует, «чтобы непрерывное движение, разнообразное и гармоничное, было благоприятным и вело бы Вселенную к Совершенству»²⁹. В силу этого закона «страхования» западных религий, наподобие вечных наказаний и мучений, ада, вины перед Богом, оскорбления Божества, - являются «метафизической бессмыслицей». Человек – существо относительное, все, что он совершает, он

²⁶ Там же. С. 82. Игру с числами можно продолжать до бесконечности, однако наша цель - показать суть символизма традиционной культуры, а не нумерологические удивительные вещи.

²⁷ *Матжиои. Метафизический путь*. С. 154

²⁸ Четыре термина: «ЯН – ХЭНЬ – ЛИ – ЧЖЭНЬ. Изначальная причина – свобода – благо – совершенство. Такова идеографическая тетраграмма Вэнь-Вана » (*Матжиои. Метафизический путь*. С. 120).

²⁹ Там же. С. 155.

совершает во времени, не затрагивая вечности. «Но нелогичные сентименталисты воскликнут..., что Бог требует вечного наказания. Это двойной абсурд. Кто может верить, что Бог может быть оскорблен человеком? Необходимо быть Богом, чтобы оскорбить Бога»³⁰.

Если думать, что древние китайские мудрецы занимались игрой с числами, комбинаторикой или арифмосемиотикой, как это иногда понимают интерпретаторы, то до нас не дошло бы неустранимого образа глубокой тайны, заключенной в, казалось бы, простейших символах. Для нас, западных людей, это какая-то нумерология. Но все дело в истолковании, в том, кто видит этот расклад чисел. Одно дело на цифры (оболочки чисел) смотрит торговец, финансист, а другое – традиционный человек с ментальностью, в основе своей метафизически ориентированной. В числах и цифрах, кажущихся почти случайными и имеющими только математический смысл, обязательно кроется метафизический смысл, который мы попытались представить на свой страх и риск. Матжиои призывает нас «не быть обычным читателем... Необходимо для своего собственного обучения быть самому себе и учителем, и помощником»³¹ Возможно, что читателю покажутся наши истолкования слишком широкомасштабными. Однако для традиционного человека в этом не было бы ничего странного и удивительного. Такого рода соотнесения встречаются повсеместно. Например, Миямото Мусаси, величайший из самураев, изобретший стиль фехтования «двух мечей», утверждает: «Если ты знаешь Путь в широком смысле, ты увидишь его во всем»³². Два меча самурая – один длинный (воплощающий в себе дух Ян), а другой короткий (вспомогательный, воплощающий дух Инь; примечательно, что коротким мечом в случае необходимости самурай делает сэпуку, то бишь харакири). В случае смертельного выпада противника воин подставляет под удар скрещение «двух мечей», отражая удар этим крестом, который есть для него форма вселенского пространства. Заметим, что крест – это универсальный символ, не только христианский, он встречается по всему миру, несколько различаясь по форме, но оставаясь верным себе по своему принципу. Причем это не просто абстрактный знак, энергия пространства входит в это скрещение двух вселенских начал, и смертоносный удар отражен. Иными словами, традиционные символы при всей своей абстрактности соотносят крайне удаленные друг от друга вещи (на наш взгляд), проявляют в точке своего приложения требуемую в конкретном случае энергию. Они суть не только связь с трансцендентным, недостижимым для знания, но также проводники энергетического импульса. И здесь, в событии малого масштаба (конкретном поединке) символ тот же, что и во вселенском масштабе. Традиционный символизм не есть просто система знаков, которую можно легко менять и интерпретировать, как чаще всего мы видим в современных интерпретациях древних символов, сопоставляемых с природными или психологическими феноменами. Это метафизические «силовые линии». Это сами пути, а не просто указатели на дороге. Все символы суть связи между метафизическим пространством и проявленным миром имен и форм, в физическом пространстве и времени, это одновременно путь вверх и вниз и сила, ведущая по нему.

³⁰ Там же. С. 211.

³¹ Там же. С. 124.

³² *Миямото Мусаси*. Книга пяти колец. М.: Изд. Э., 2018. С. 26.

Вернемся к Матжиои и его расшифровке изначального символа Тай-цзи и И-цзин. Невозможно представить здесь все элементы, мы отметим пунктирно некоторые, смысл которых понадобится нам впоследствии. «Существует столько стадий человеческого существования, сколько существует гексаграмм, то есть шестьдесят четыре»³³. Книга И-цзин есть изложение предсказательной науки с математической точки зрения, это не гороскопы. Только математика здесь другая, не современная, которая носит профанный характер. Напротив, это – священная наука, не причастная аналитическим и механическим методам. Поэтому Матжиои скептически относится ко всем современным толкованиям и цифровым соотношениям элементов этой удивительной и загадочной доктрины. Тот ряд чисел, который мы представили выше, не есть интерпретация в собственном смысле слова, это есть вариант того ритма, который характеризует проявление изначального Принципа-без-форм в поток форм и возвращения в изначальное состояние. Почему у нас получился такой странный шаг этого ритма? Потому что мы воспользовались самой общей формой, а именно, натуральным числом, которое может быть либо четным, либо нечетным. Двойственность – самая общая форма проявления. Поскольку мы всего лишь микрокосмы, то нам надлежит подумать о минимальном шаге вселенского ритма. Он получился таким. Существует множество разных ритмов, «в пустоте также есть ритм»³⁴.

Даосизм также основан на доктрине, изложенной в триграммах, которые суть изначальный язык священной науки космогонии. Дадим слово авторитету в переводе этого языка на доступный пониманию язык слов: «Мы должны понимать под Дао (что обычно и довольно точно переводится как Путь) ряд, сумму и результат всех видоизменений Вселенной, или, как теперь принято говорить, различные состояния проявленного Тянь, независимо от всех объективных связей»³⁵. В этом, однако, источник заблуждений. Они исходят от нашей несостоятельности и относительности, «то есть от нашей формы, то есть от нашего аналитического деления, то есть множественности существ. Очевидно, что эта множественность постоянно меняется, что она пребывает во времени, что она объективна. Все представления, которые созданы в ее среде и на ее уровне, не являются, следовательно, ни чистыми Идеями, ни аспектами Истины. Они мимолетны, неустойчивы, ошибочны»³⁶. Множественность форм подчинена переменам и преобразованиям. Только они постоянны. «Здесь вся восточная Книга Бытия. Нет творения (в том механическом и материальном смысле, который обычно связывается с этим выражением); но есть порождение существ посредством видоизменения бытия, и ничего более; видоизменение образует настоящий момент, бесконечно малую частицу которого мы видим в земной жизни; преобразование означает возвращение существ, пребывающих в видоизменении, в неизменное Бытие, и это механизм, который возглавляет это поглощение. Путь неба, следовательно, включает в себя одновременно и выделение форм, и возвращение в

³³ Матжиои. Метафизический путь. С. 106.

³⁴ Миямото Мусаси. Книга пяти колец. С. 18.

³⁵ Матжиои. Метафизический путь. С. 120.

³⁶ Там же. С. 125-126.

состояние вне форм»³⁷. Человечество - не самая важная из форм, нам она интересна в силу того, что мы существуем в этой форме. Когда она будет исчерпана, мы будем существовать в другой форме, перейдя из актуального видоизменения к последующему видоизменению «за пределами этого человеческого состояния и выше него... Человечество... является с метафизической точки зрения одно из Форм Вселенной (а земное человечество есть одно из видоизменений этой формы). В той же мере и настолько же точно, как и все остальные, без малейшей возможности какого-то особого отношения, эта форма исходит из Совершенства благодаря принципу деятельной причинности, проходит через все видоизменения и достигает преобразования, посредством которого она воссоединяется с Совершенством. Ни одна форма не ускользает от этого вечного закона, и это и есть Гармония; это гармония Пути, Дао... Человечество исходит из Бесконечности. Человечество возвращается в Бесконечность.... Мы все, видимые и невидимые формы Вселенной, являемся эманациями Бесконечности: мы никак не можем из нее выйти, мы всегда с ней, в сущности, связаны; и мы остаемся и после пребывания в этом мире форм в этой Бесконечности, неуловимыми, микроскопическими, но непреложно необходимыми молекулами которой мы никогда не перестаем быть»³⁸. Тетрагамматон Вэнь-Вана из четырех терминов есть идеограмма судьбы Вселенной и каждого существа и каждой формы, в том числе и человечества. Он поэтому есть сердце И-цзина. Толкования И-цзина – сложная наука, его внутренний порядок настолько логичен, красив и строен, а смысл настолько загадочен, что эта задача под силу только мудрецам Востока. Мы же должны ограничиться лишь теми выводами, который нам предоставил Матжиои, который выступает как посредник, вызывающий доверие. Это редкий случай, когда западный человек судит о восточной мудрости. Однако отсутствие в нем дерзости и, напротив, присутствие удивительной скромности при глубоких познаниях предмета невольно вызывает доверие к сказанному им. И-цзин представляет устройство мира, судьбы Вселенной, Человека, Путь и смысл всего. То есть это не просто книга предсказаний, это символ метафизического пространства. Символ, который дает импульс развертывания в мир форм и возвращения к Началу-без-форм. В абсолютной абстрактности 64 позиций, самих по себе и не имеющих в виду никакой объективной реальности, представлены основные силовые линии этого развертывания, по которым пролегает Путь всех существ. В объективности путей множество, и детализируются они до бесконечности,

Весь проявленный мир - комментарий к Великому Пределу. Поэтому и символических разверток этого изначального символа в множественном мире может быть тоже множество. Принятые в синологии комментарии суть реализация одной из возможностей. Мы вынуждены ей доверять по случайным – историческим – причинам. Абсолютное доверие к историческим «фактам» останавливает мысль. Ставит предел мысли. Но начало мысли тоже, как и все, лежит в беспредельном. Ряд чисел с шагом 17, образованный указанным выше способом, разумеется, не есть порядок чисел И-цзина. Он начинается с мысли о запредельном (0 и 1), развертываясь в определенной

³⁷ Там же. С. 134.

³⁸ Там же. С. 141-143.

последовательности четных и нечетных чисел, что в некотором смысле представляет символически аналог этого древнейшего символа Универсального закона. Смысл этого ряда – внешнее представление того, что путь вверх и вниз один и тот же, отдаляясь по видимости от мысли о запредельном, мы (Вселенная и все ее формы и существа) возвращаемся с математической необходимостью к этой мысли. Даже если мы не будем считать этот ряд бесконечным, то и в этом случае он будет тождественен бесконечности. Таково метафизическое пространство, в котором начало и конец совпадают, в котором время не отделено от вечности, не противостоит ей. Все парадоксы, спутанности и заблуждения остаются внутри ряда в силу того, что мы не выходим из этой бесконечности, будучи ограниченными человеческой формой и потому не имея возможности это осознать. Принять на веру легко, но осознать по крайней мере при жизни – то есть выйти за пределы этой формы - невозможно.

По мысли Матжиои само метафизическое учение о Единой Изначальной Традиции едино изначально и традиционно, по крайней мере оно настолько древнее, что совпадает с началом человеческой формы проявления. Крайняя абстрактность его начертания, можно так понять, отмечает собою границу с тем, что непроницаемо для человечества, то есть с тем, откуда форма возникла и куда она возвратится. «Там» нет ничего от той Формы Вселенной, которая соответствует человеческой форме. Поэтому это «там» непостижимо. Граница, отделяющая «здесь» от «там» по-разному – на первый и лишь только внешний взгляд – в разных культурах, с которыми мы можем знакомиться, символизируется, но в конечном счете речь идет об одном и том же.

Искусство интерпретации отличает Ананду Кумарасвами от большинства знатоков культурных традиций, опирающихся на схемы современной психологии, социологии или истории. Кумарасвами сопоставляет удаленные друг от друга символы, и через ряд преобразований, подстановок других образов, терминов путем сложного и нередко петляющего перехода одно изображение символа превращается в другое, и мы убеждаемся в их коренном тождестве. Это есть свидетельство изначального единства «духовного языка»: «Распространенность мотива “Сталкивающихся Скал” говорит о его доисторической древности и относит сложную канву фундаментальных мифов о Поиске к периоду как минимум до заселения Америки. Знаки и символы Поиска Жизни, которые во множестве сохранялись в устной традиции долго после того, как они были рационализированы или романтизированы при литературном изложении, - это наилучший для нас указатель на то, какой была изначальная форма единого духовного языка, ”диалекты которого”, по словам Иеримиаса (*Altorientalischen Geisteskultur*, Введение) ... “обнаруживаются в различных существующих культурах”»³⁹. Симплегады – Арго пролетел сквозь Сталкивающиеся Скалы, - это многоплановый символ. «Движущиеся Врата» только одна из его составляющих. Блуждающие скалы, быстро сдвигающиеся айсберги (у эскимосов Гренландии), плавающие острова, золотые врата неба, солнечные врата – все это свидетельства о древнем веровании, что где-то есть проход в потусторонний мир, царство мертвых,

³⁹Кумарасвами А.К. Симплегады // Кумарасвами А. К. Восток и запад. Религия, мифология, символика, искусство. М.: Беловодье, 2018. С. 143.

которые вечно живы. Прохождение через них сопряжено со смертельной опасностью. Эта граница может представлять в самой разной форме.

Сам ход сопоставлений, беглых, но удивительно точных, сближающих удаленные во времени и пространстве образы и мифы, - это спираль, разомкнутая и с множеством витков, начало и конец которой совпадают, но это совпадение «где-то там», где «всё - Одно» (Ригведа. X. 129. 3). От этого Одного и отделяют смертных Симплегады, и Кумарасвами наилучшим – то есть традиционным же способом – представляет нам нескончаемую сеть символов (всё), которые в начале (в едином «духовном языке» древних) есть Одно. Он в понимании традиционного символа сам становится этим героем перед Сталкивающимися Горами. Это умение видеть в каждой детали нашего обычного существования восходящий и нисходящий луч, который одновременно и есть путь к освобождению. Невозможно привести здесь все образы, но назвать хотя бы некоторые следует - может быть, какой-то слабый контур, очерчивающий все многообразие, возникнет. Блуждающие скалы – это створки двери, закрывающие проход в запредельное, в Аид, в Рай, или даже в Земной Рай. «Сама дверь имеет устрашающих стражей, как человек-скорпион, бессонные и зловещие змеи или драконы, кентавры (особенно Стрелец), гандхарвы, херувимы (Быт., 3:24, и так далее) и во многих случаях опасные механизмы... Пример из западной культуры может быть взят из *Вигалуа*, где в преследовании мага Рбаза... Вигалуа достигает замка с мраморными воротами, перед которыми вращалось колесо, “снаряженное острыми мечами и дубинками”. *Махабхарата* (Пунская редакция, 1. 29) описывает то же колесо гораздо подробнее: “Там, перед Сомой Гаруда узрел стальное колесо (*sakra*) с краями как лезвия, покрытое острыми клинками и непрерывно вращающееся, нестерпимо слепящее, словно Солнце, двигателем (*yantra*) несказанно устрашающего вида, хитроумно изобретенном богами для разрезания на кусочки похитителей Сомы. Небоходящий (*khe-cara*⁴⁰), увидев проход сквозь него, воспарил, и, метнувшись внезапно... всем телом, стрелой бросился между его спиц... и вылетел с живой водой”⁴¹. Гаруда, похититель Сомы, также проходит через сделанное Индрой разумное колесо, вращающееся быстрее, чем моргает глаз, при помощи «более чем скорости».

Солнечные Врата, пройдя которые не возвращаются: «Врата как препятствие – это “небесная преграда”...», которая отделяет мир смертного под Солнцем от мира бессмертного над ним; солнечные врата есть “Врата Истины” (Иша-упанишада; 15 и далее); и значит они “ступень знающим и преграда незнающим”⁴². То есть это одновременно испытание при посвящении, можно и так понять. Перебирая звено за звеном в непрерывной цепи разных образов одного и того же в своем смысловом (неочевидном) ядре или, скорее, развязывая петлю за петлей в сложном плетении этих образом, мы сталкиваемся с удивительным образом. Это цепочка от «плавающих островов» через «лотосовые стопы» богов и Будды до Родосского Колосса. Плавающие острова – это Миры, Земля, поднятая из моря (или первичного океана) на поверхность.

⁴⁰ Здесь подразумевается проникновение через *kha* солнечных врат (как отверстие в колесе повозки); отверстие, подобное пустоте или абсолютному пространству, приравнивается к Брахману.

⁴¹ *Кумарасвами А.К.* Симплегады. 166-168.

⁴² Там же. С. 148. Сноска 237.

Именно этот факт мифа служит основой «символизма Земли как цветка или лепестка лотоса, развернувшегося на поверхности космических вод в ответ на свет Солнца – единственного лотоса неба и для его отражения; следовательно, лотос или лотосолистная форма... означает собой изначальное “основание” бытия»⁴³. Лотосные стопы указывают на то, что боги твердо стоят на земле, хотя на самом деле это плавающий остров. «”Остров”, плавающий на поверхности и окруженный океаном всех возможностей проявления, из которого извлекаются возможности для любого конкретного мира»⁴⁴. Точно так и остров Родос – «остров розы» (роза тождественна лотосу) – это земля, всплывающая из глубины моря, и она есть остров Солнца. Колосс – изображение Солнца и, понятно, Солнечных Врат, через которые должны были проходить все корабли. Этот символ еще сложнее, мы изложили только пунктирно его «каркас». Чтобы в полноте понимать традиционные символы, надо быть традиционным человеком.

Символизм стрельбы из лука имеет сходство с прохождением сквозь Солнечные Врата. Казалось бы? это далекие друг от друга вещи. Но все зависит от того, как читать эти символы и соотносить их. Символизм стрельбы из лука Кумарасвами приводит как образец «полярного равновесия физического и метафизического»⁴⁵. Как Солнечные Врата может одолеть знающий, так и стрелы – это мысли, быстрые и прямые как стрелы. Мало того, Кумарасвами полагает, что есть прямая связь с мудростью, мудрым правлением царя и мудростью как пронизательностью: «Санскритское *rju* и палийское *uji*..., означающие “прямой”, относятся к общему корню, который подразумевает также “правоту” “чистоту” и “царственность” (лат. *regere* и *rex* и санскр. *rajā*). С традиционной точки зрения царь не является “абсолютным” правителем, но только управляющим в рамках трансцендентного закона, с которым согласуются законы для человечества... От корня *vyadh* (“пронзать”) образуются слова *vedha* и *vedhin* (“лучник”) и, возможно, *vedhas* (“мудрый” в смысле “пронизательности”). Последнее слово некоторые образуют от *vid*, особенно императив *viddhi*, который может значить “познай” и “пронзи”, или то и другое одновременно... Вербальные стрелы брахмана “пронзают” его хулителей...»⁴⁶. Также йог должен мыслить: «Стрелой знания я пройду через любой изъясн»⁴⁷. Не попасть в цель значит не только промахнуться, но и сбиться с пути, потерпеть неудачу, грешить, эти смыслы в одном термине практически совпадают, как, впрочем, и в русском языке. Но поскольку стрельба из лука – это царское занятие, а царь заместитель небесного царя, то Шатападха-брахмана рассказывает, что в ритуале возведения на престол, когда жрец четырежды взмахивает деревянным мечом, то это делается «для подавления Асуров во всех трех мирах и “во всяком четвертом мире, который может быть или не быть за пределами этих трех”...». Описывает ритуальное использование семнадцати и трех стрел. Семнадцать стрел соответствуют семнадцатеричному Праджапати, а семнадцатая из них это одновременно столб, вокруг

⁴³ Там же. С. 159.

⁴⁴ Там же. С. 160.

⁴⁵ Кумарасвами А.К. Символизм стрельбы из лука. // Восток и запад. Религия, мифология, символика, искусство. М.: Беловодье, 2018. С. 119.

⁴⁶ Там же. С. 116-117. Приходится пропускать интереснейшие термины, относящиеся к стрельбе, они заняли бы целую статью, как пишет сам Кумарасвами.

⁴⁷ Там же. С. 118.

которого должны повернуть колесницы в ритуальном состязании (из других источников известно, что этот столб символизирует солнце); нет сомнения в том, что стрельба символизирует и подразумевает “правление одного над множеством”. Три стрелы, одна из которых пронзает, вторая ранит, а третья промахивается, соответствуют трем мирам»⁴⁸. Стрельба в небо, землю и в четыре стороны света или только в четыре стороны света – солярный архетип, «в котором четыре Стороны света пронзаются и в действительности охватываются одним лучом. Это искусство, известное как “Проникновение в сферу”... относится к Бодхисатве Джотипāле... Он очертил круг в центре прямоугольного замкового двора (который символизирует мир) и, стреляя оттуда, защищался от бесчисленного множества стрел, выпускаемых в него лучниками из четырех углов⁴⁹, после этого он сказал, что готов пронзить всех этих лучников одной стрелой, но они не рискнули согласиться на такое испытание. Вместо этого в четырех углах повесили по связке бананов, а Бодхисатва привязал тонкую алую нить... к оперению стрелы и прицелился в связку на одном из деревьев. Стрела пронзила ее, а потом вторую, третью и четвертую, которая уже была нанизана и вернулась в его руку, и все деревья оказались охвачены кольцом одной нити. Это ясное отражение доктрины “нити духа” (sutrātman), в соответствии с которой солнце, касаясь всего, соединяет эти миры сторонами света и через нить духа, как драгоценные камни, они нанизываются на нить⁵⁰. Здесь и квадратура круга (замок и внутри круг), здесь и множественность миров, и готовая кривизна пространства («квадратура вселенной», внутри которой кривизна, образованная прямым лучом света) как если бы древние знали современные достижения нашей науки, и еще многое, кроме этого.

Будда стреляет «через замочную скважину.., расщепляя каждую стрелу следующей, раз за разом, без промаха... Это весьма удачный термин, так как солнечные врата, пройдя через которые, полностью освобождаются (atimuciante), есть “скважина в небе”..., а стрела, отождествляемая с Атманом или с Ом..., может быть понята как “ключ”»⁵¹. Приходится пропустить все ходы и повороты, в которых разворачивается более полное насыщение метафизическим смыслом, ряды сопутствующих дробных частей символа стрельбы из лука, который в результате оказывается частью более обширной «сети», оказывающейся во всех случаях путем, ведущим к освобождению. На самом деле любое противопоставление может выступить в роли схлопывающихся врат, начиная от Неба и Земли, дня и ночи, начала и конца года, которые тоже «схлопываются», плавающих островов, острых камышей, вращающихся врат, мостов (мост связывает противоположные стороны как нить-луч-солнца) над огненной бездной или Огненного Моста Ужаса перед вращающимся замком,двигающихся столбов, вплоть до двери со створками-челюстями с острыми зубами и так далее. Все это, полное опасностей, надо пройти, чтобы обрести вечную жизнь – добыть амриту, Сому, траву, дающую жизнь, живую воду. Представляется, однако, что это общепринятое объяснение через жажду бессмертия и вечной жизни,

⁴⁸ Там же. С. 120-121. Сноска 183.

⁴⁹ Неуязвимость Бодхисатвы соответствует неразрушимости солнечного дыхания праны.

⁵⁰ Там же. С. 123.

⁵¹ Там же. С. 127.

внешне правдоподобное, но слишком психологическое. Оно имеет относительный смысл внутри того, что Матжиои называет ограниченность человеческой формы Бытия.

«Если все приготовления были выполнены верно, стрела, как ручная птица, сама найдет свою цель, точно как человек, который, покидая этот мир, ... свершив то, что надо было свершить, не должен гадать, ни что с ним станет, ни куда он идет, так как он неизбежно найдет “бычий глаз” (мишень. – *Т.Л.*)..., и, пройдя через эти солнечные врата, войдет в эмпирей. Здесь можно увидеть, как в традиционном обществе любая, даже обыденная деятельность становится частью Пути и что в таком обществе нет ничего “профанного”; в противоположность чему мы наблюдаем в светском обществе, где нет ничего святого»⁵². Кумарасвами нельзя заподозрить в психологизме или эмпиризме. Напротив, говоря о мифах, которые наука относит к фольклору, наивно предполагая, что их создавали отдельные «образованные люди», он утверждает их метафизический смысл: «Ничто не может быть названо *наукой* о фольклоре, но только собранием сведений, в котором рассматривается только формулировка, но никак не учение... Как однажды писал покойный сэр Артур Элиас, “совпадения в традиции не сводятся к простой случайности”»⁵³. Тем более что «”Ключевые слова” фольклора являются на самом деле и словами *Philosophia Perennis*»⁵⁴.

В статье переплелись два подхода – Вечной философии и Единой Традиции, и чтобы они не смешались, необходимо сделать одно замечание. Оно касается точки отсчета, принимаются ли в качестве опоры факты опыта, наличные условия и обстоятельства человеческого существования, или же факты, условия, обстоятельства рассматриваются как отпечатки в том, что непостижимо называется временем и пространством недвижных вечных принципов. Понятно, что к этому разграничению можно предъявить сомнение и недоумение, но она существенно и находится в соответствии с прочтением символического способа выражения Традиции. Каждый символ читается весь целиком, а не последовательно элемент за элементом, символ схватывается интеллектуальной интуицией, не чувственной, поскольку он всегда отсылает к высшей реальности, а не к явлениям природы, как это часто толкуют в западной литературе. Он может развертываться и в рассказе, но это будет тот же миф – ближайшее к Абсолютной Истине место. Из чего следует, что в конечном счете все символы, мифы и ритуалы ведут к одной и той же цели – к освобождению.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Там же. С.165.

⁵⁴ Там же. С. 169. Кумарасвами имеет в виду не книгу О.Хаксли, а то, что традиционно так называлось и что Генон предпочитал называть *sophia perennis*.

Литература

Генон Р. Символы священной науки / Пер. с франц. Н.Тирос. М.: Беловодье, 2002. 496 с.

Ишервуд К. Рамакришна и его ученики / Пер. с англ. М.Л.Салганик.. М.: Наталис, 2004. 383 с.

Кумарасвами А. К. .Восток и запад. Религия, мифология, символика, искусство./ Пер. с англ. М.В.Маковчик. М.: Беловодье, 2018. 184 с.

Матжиои. Метафизический путь. / Пер. с франц. В.Ю.Быстров. СПб.: Владимир Даль, 2014. 255 с.

Миямото Мусаси. Книга пяти колец / Пер. с япон. М.: Изд. «Э», 2018. 160 с.

Точсон Э. Северная мания: мистерии германских народов / Пер. с англ. С.Грабовецкого. К: «София», Lid., 1997. 256 с.

Хаксли О. Вечная философия / Пер. с англ. Е.Сыромятниковой, Н.Сидемон-Эристава. М., Изд. АСТ, 2018. 480с.

References

Coomaswamy, A.K. *Vostokizapad. Religiya, mifologiya, simbolika, iskusstvo* [East and West. Religion, mythology, symbolism, art], transl. by M.V. Makovchik. Moscow: Belovod'e, 2018. 184 pp. (In Russian)

Genon P. *Simvolj svyashchennoj nauki* [Symbols of sacred science], transl. by H. Tiros. Moscow: Belovod'e, 2002. 496 pp. (In Russian)

Isherwood, C. *Ramakrishna i ego ucheniki* [Ramakrishna and his disciples], transl. by M. L. Salganik. Moscow: Natalis, 2004. 383 pp. (In Russian)

Matgioi. *Metafizicheskiy put'* [Metaphysical path], transl. by V.Yu. Bystrov. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2014, 255 pp. (In Russian)

Musashi, M. *Kniga pyati kolec* [The Book of Five Rings], transl. by A. A. Mishenko. Moscow: 'E' Publ., 2018. 160 pp. (In Russian)

Thorsson, Ed. *Severnaya maniya: misterii germanskih narodov* [Northern magic: mysteries of the Norse, Germans and English], transl. by S. Grabovetsky. Kiev: Sofia Publ., 1997. 256 pp. (in Russian)

Huxley, A. *Vechnaya filosofiya* [The perennial philosophy], transl. by E. Syromyatnikova, N. Sidemon-Eristavi. Moscow: AST, 2018. 480 pp. (In Russian)

“Perennial philosophy” of a unique tradition in symbols

Lyubimova T., Institute of philosophy RAS

Abstract: the Term "perennial philosophy" Aldous Huxley understands quite wide. For him, it is wisdom, the subject of which is the single divine reality. This reality is comprehended by enlightened or Holy people. It's mystical knowledge. His point of view on this method of knowledge is rather psychological than metaphysical. Related to this understanding are his sociological and ideological conclusions. He believes that social and personal ills arise from the oblivion of Eternal philosophy. For the teaching of a unique Spiritual Tradition, psychological, sociological or historical explanations are considered insufficient and inadequate. This is demonstrated in the interpretation of traditional symbols, which are made clear only in the unity of the whole traditional culture. A single network of symbols here has a metaphysical meaning. This is shown in the interpretation of the I-Ching symbols by Matgioi and Symplegades and Archery symbols by Ananda Coomaraswamy. Specific symbols related to military art are also endowed with metaphysical meaning in traditional culture. The Japanese art of fencing with swords is the evidence of pervasive spiritual connection in this culture, of which tells the famous XVII century samurai Miyamoto Musashi. Conclusion – intraditional culture there is nothing profane.

Keywords: perennial philosophy, ideology, unique Tradition, symbol, Huxley, Mathioi, Coomaraswamy, metaphysics